

О РАЗЛИЧИИ ОМОНИМИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АРМЯНСКИМ

(На материале минимальной структурной схемы предложения
у + родительный + именительный)

Р. А. ТЕР-АРАКЕЛЯН

Предложение, как и любая языковая единица, имеет два вида структур: структуру содержания и формальную структуру. Структура содержания для многих языков оказывается общей. Отличие и национальное своеобразие каждого языка проявляется в свойствах его формальной структуры: одно и то же содержание выражается один раз (или в одном языке) лексически, другой раз (или в другом языке) грамматически).

Содержание предложения нетождественно его значению так же, как понятная, смысловая сторона слова не тождественна значению слова. Предложение имеет два значения: грамматическое значение — предикативность и типовое значение — тот или иной вид двусторонних отношений¹, в установлении которых участвуют не все слова — компоненты, но лишь некоторые — имена отношений и предикативов: глаголы, прилагательные, предлоги. Именно они организуют семантическую структуру предложения; конкретная же лексика с этой точки зрения почти не представляет интереса.

В новейших лингвистических исследованиях отмечается, что предложения строятся не из отдельных изолированных слов и словосочетаний — в строительстве предложения участвует синтаксическая форма слова², т. е. словоформа со всеми заложенными в ней опособностями вступать в цепь отношений и устанавливать связи с другими словоформами. Замечательное свойство языка как системы проявляется «не в звуках или знаках и значениях как таковых, а во взаимных соотношениях между ними в речевой цепи и в парадигме грамматики»³.

Типовое значение предложения в русском языке регулярно возникает только из грамматических отношений между языковыми элементами, без участия лексически знаменательных связей. Ср: **У ребенка кашель; Отец дома; Он у нас председателем; Дети во дворе. Сегодня**

¹ См. Ю. Д. Апресян, Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. Сб. Проблемы структурной лингвистики, М., 1963.

² См. Г. А. Золотова, О синтаксической форме слова. Сб. Мысли о современном русском языке, М., 1969.

³ Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, в книге В. А. Звегинцев, История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, М., 1965, стр. 103.

у нас много работы. С этой точки зрения чрезвычайно показательна синтаксическая система русского языка, располагающая, кроме глаголов, такими сильными реляторами, какими являются предлоги.

Двусторонние отношения, определяющие типовое значение предложения, являются обязательной принадлежностью системы, которая воплощается в структуре—реальном строении языка, т. е. в «совокупности языковых средств для выражения значимых оппозиций»⁴.

Абстрактная формула предложения, или минимальная структурная схема предложения, имеет только грамматическое значение, т. е. это схема, способная выражать предикативность.

Типовое значение схема получает после лексического заполнения. Ср: Мальчик бежит; Мальчик спит (N, Vfin).

Исследование лексически заполненных схем позволяет проследить ряд закономерностей во взаимодействии семантических и синтаксических явлений. При этом в синтаксис оказываются включенными не только собственно синтаксические, но и лексические и морфологические структуры во всей сложности их отношений⁵.

Типологические свойства формальной структуры предложения характеризуются собственно грамматическими или лексико-грамматическими средствами выражения двусторонних отношений, которые существуют в одном языке или соответствуют друг другу в различных языках. Типология формальной структуры предложения каждого из двух языков может быть описана путем сопоставления всех возможных минимальных структурных схем с общим типовым значением в том и другом языке.

Объектом исследования в данной работе служила структурная схема $(V+N_2)N_1$ и ее варианты.

Если типовое значение принадлежности в армянском языке выражается посредством посессивной связки *նկիննի*, т. е. лексико-грамматическими средствами, то в русском языке те же отношения могут быть переданы в одном случае лексико-грамматическими (ср. Всякий плут имеет свой расчет), в другом—собственно грамматическими средствами (ср. У всякого плута есть свой расчет; У всякого плута свой расчет).

Таким образом выделяются синонимичные схемы предложений, которые при общем типовом значении различаются формальной структурой.

С другой стороны, в языке могут быть выделены омонимичные схемы предложений, которые, характеризуясь морфологически тождественной структурой, отличаются, однако, как носители типовых значений. Ср:

⁴ Н. Д. Арутюнова, О значимых единицах языка, в сб. Исследования по общей теории грамматики, М., 1968, стр. 104

⁵ Фр. Данеш, Опыт теоретической интерпретации синтаксической омонимии, ВЯ, 1964, № 6.

- У него широкие плечи → признак, приписываемый лежащему предмету.
 У него славный конь → Принадлежность предмета с данным признаком.

Каждое из этих значений актуализируется в речи, но предпосылки для актуализации заложены в системе и предопределены лексико-морфологическими свойствами заполняющих схему лексем и их дистрибуцией.

Таким образом, минимальная структурная схема предложения с морфологически тождественной структурой с синтаксической точки зрения может интерпретироваться как омонимичная, если в зависимости от конкретного лексического наполнения она каждый раз выражает иное типовое значение. Ср:

У девочки талант → Девочка талантлива (типовое значение атрибутивности).

У девочки кукла → Кукла принадлежит девочке (типовое значение посессивности).

Омонимичными могут оказаться не только схемы, но и произведенные по данной схеме предложения, если в них возможно установить двоякую связь между словоформами, в зависимости от чего они каждый раз будут выражать иное типовое значение. Ср:

а) У тебя умный сынок. Надо его вырастить, на ноги поставить.

(Гладков. Повесть о детстве)

б) У нее умный сын, словами не бросается.

(Эренбург. Буря)

Омонимичность этих предложений снимается межъязыковым переводом: в армянском языке для выражения двух разных типовых значений есть соответствующие структурные схемы. Ср:

а) *Դու խելոք որդի ունես, պետք է նրան մեծացնես, ոտքի կանգնեցնես:*

б) *Նրա որդին խելոք է, ալիլ-ալիլի չի խոսում:*

Контекст здесь не играет роли: он только помогает выявить возможность структурной схемы, которая в первом случае имеет факультативную позицию определения на уровне словосочетания, во втором — обязательную, на уровне предложения, так как, выступая одним из двух предикатов (она имеет сына, сын — умный), определение оказывается структурно необходимым.

В зависимости от лексического наполнения схемы необходимость определения очевидна и без подтверждения контекстом. Ср: У льва нормальное рычание («Литературная газета», 1968, № 8). У того эмигранта были ваши глаза и нос. (Паустовский. Романтики). У нее такие бархатные глаза (Лермонтов. Герой нашего времени).

От омонимичных синтаксических схем следует отличать синтаксические омонимы — предложения, допускающие двоякое толкование. Ср:

Я знал его студентом — а) Когда я был студентом

б) Когда он был студентом.

Для синтаксического анализа и описания омонимичной схемы, порождающей предложения с тождественной морфологической, но различной глубинной структурой и выражающей различные типовые значения, требуется объективный формальный критерий. Таким формальным способом различения подобных предложений может быть поиск синтаксических соответствий при семантическом инварианте, т. е. внутриязыковой перевод, или трансформация.

Под переводом мы будем понимать способ передачи всеми возможными грамматическими средствами двусторонних отношений, составляющих общее типовое значение предложения. При таком понимании межъязыковой перевод и внутриязыковая трансформация могут рассматриваться в одном ряду—как два способа аналогичных преобразований с использованием грамматических средств обоих языков. Такая проверка посредством перевода становится особенно необходимой, если рассматриваемая формальная структура допускает неоднозначное толкование, в этом случае релевантными оказываются ее трансформы.

Межъязыковой перевод осуществляется не прямолинейно: ему предшествуют иногда довольно сложные трансформации внутри данного языка⁶, целью которых является идентификация формальной структуры предложения двух языков, т. е. ее упрощение, приведение к наименее специфичной формуле, служащей для выражения данного типового значения. Такой универсальной для многих языков формулой выражения посессивности на уровне предложения следует, по-видимому, считать лексико-грамматическое выражение этого значения посредством посессивной связи и меть (ты имеешь сына).

Приравнивание других формальных структур с тем же типовым значением к этой универсальной формуле посредством внутриязыковых трансформаций и есть, очевидно, первая ступень межъязыкового перевода; второй ступенью будет поиск специфических для другого языка грамматических средств выражения данного типового значения. Так, перевод русского предложения—У тебя сын—на армянский можно представить как две стадии: У тебя сын → ты имеешь сына — *ընդ սիրտիս*.

Проверка посредством перевода предложений, построенных по схеме у + род. + им. и ее вариантов; позволяет выделить два класса таких предложений—глагольных и безглагольных.

Глагольные предложения выражают типовое значение принадлежности и содержат замещенное или незамещенное синтаксическое место глагола есть (был/будет) с вещественным значением «иметь», «обладать», «владеть».

Там у меня есть еще барсучок молоденький, премилый барсучишка.
(Куприн. Поединок)

У меня есть ребенок, — сын или дочь, я не знаю.
(Паустовский. Блистающие облака)

⁶ Ср. Л. С. Бархударов, Некоторые вопросы теории перевода, Русский язык за рубежом, 1968, № 1.

Да ведь у ней дочь, верно она ею занята?

(Л. Толстой. Анна Каренина)

Почти у всех альпенштоки, бинокли.

(Л. Андреев. Любовь к ближнему)

Факультативность есть в этих предложениях обусловлена его семантической избыточностью, так как значение принадлежности уже выражено грамматически. Это эллиптированный вариант полной глагольной схемы, сейсмичность которого обусловлена его независимостью от контекста и ситуации, а также регулярностью отношений с изофункциональной полной схемой. Равнозначность обоих вариантов подтверждается трансформацией. Ср:

У всех есть альпенштоки >>> Все имеют альпенштоки

У всех альпенштоки

Однако при актуализации значение посессивности есть, как правило, вводится в схему, принимая на себя при этом фразовое ударение. Ср: в утвердительном, в вопросительном и в придаточном предложении:

Есть у меня и жена, и дети у меня есть—а к чему?

(Л. Андреев. Сын человеческий)

Есть у тебя свидетельство о том, что ты был на духу?

(Л. Толстой. Анна Каренина)

в придаточном предложении:

Мне вздумалось посмотреть, есть ли у них корм...

(Лермонтов. Герой нашего времени).

Наличие (отсутствие в схеме глагола есть оказывается релевантным, если схема выражает:

а) наличие предмета с данным признаком:

У меня есть прекрасный врач, врач единственный—море.

(Паустовский. Романтики)

У меня есть причина пьянствовать.

(Юность, 1964, № 5)

У меня есть обязанности к земле и семье.

(Л. Толстой. Анна Каренина)

б) наличие некоторого количества предметов или явлений с данным признаком:

У Эренбурга есть изумительные вещи (наряду с другими).

(Паустовский. Романтики)

У моряков есть поверье, что приворожить женщину можно только этим вином.

(Одно из поверий) (там же)

Отсутствие посессивной связи есть может перераопределить синтаксические функции компонентов схемы, в результате чего информативная и структурная нагрузка перенесется на определение, которое примет значимость предиката, а вся схема при этом будет выражать значение атрибутивности. Это находит формальное подтверждение при межъязыковой трансформации. Ср:

У Эренбурга есть изумительные вещи → էրենբուրգը (մի բանի),

հոշիւնն ուրծեր ունի:

էրենբուրգ 7—4

У Эренбурга изумительные вещи → էրենբուրգի գործերը հիշ-
ված են:

Другой большой класс предложений, построенных по описываемой омонимичной схеме,— класс безглагольных предложений, в которых настоящее время индикатива регулярно представлено значимым путем. Следовательно, вместо оппозиции есть/был/будет, которая характеризует парадигму глагольных предложений, здесь мы имеем другой ряд: Ø/был/будет, что позволяет поставить вопрос о десемантизации лексемы **быть** (потере ею вещественного значения) и превращении ее в своего рода синтаксический формант—показатель синтаксического времени и объективной модальности в парадигме безглагольных предложений. Глагол **быть** здесь выступает как морфема синтаксического уровня:

Со времен Хиросимы у них озноб. (ЛГ, 1969, № 29)

У них озноб → Их знобит (Ø → —ит).

У них будет озноб → Их будет знобить (будет-будет синт. морф.)

У них был озноб -- Их знобило (был → —ло)

Между тем как в парадигме глагольных предложений омонимичный глагол **быть**, как и **есть**, семантически значим (=иметь). Ср:

У Пульхерии Ивановны была серенькая кошечка (Гоголь. Старосветские помещики). Пульхерия Ивановна имела кошечку.

...все тузы и козыри будут у Онуфрия... (Тургенев. Два приятеля). Онуфрий будет иметь тузы и козыри.

У него был бы тогда дом с сияющими стеклами и красивая жена (Л. Андреев. У окна). Имел бы дом и жену.

Таким образом, в отличие от глагольных предложений с сохраненным, но незамещенным синтаксическим местом глагола **есть** в настоящем времени индикатива, безглагольные предложения не могут характеризоваться как эллиптические, так как не допускают восполнения. Ср:

У него широкие плечи → У него **есть** широкие плечи⁷, но У него славный конь → У него **есть** славный конь.

Так как в неэллиптированной схеме глагол не может чередоваться со значимым нулем, то схемы, не содержащие синтаксическое место глагола **есть**, должны расцениваться как безглагольные.

В соответствии с этими формальными особенностями безглагольные схемы обнаруживают способность более чем к одной трансформации:

У вас такие страдальческие,

Ужасные глаза (Бунин. Сын).

→ Вы имеет глаза (приемлемо только с грамматической точки зрения)

→ Ваши глаза страдальческие, ужасные.

У доктора очень ученый вид

(Л. Андреев. Жизнь человека).

→ Доктор имеет вид

→ Вид этот ученый

⁷ Неотмеченное предложение (на уровне нормы).

Структурная необходимость определения как компонента схем.1 (Ср. У вас глаза, у доктора вид) обусловлена аксиоматичностью или информативной недостаточностью второго именного компонента схемы и в свою очередь обуславливает ее типовое значение.

Интересно отметить, что в рассматриваемой омонимичной схеме глагол *есть* в значении «иметь» и обязательное определение несовместимы, а в отдельных случаях могут замешать друг друга в качестве предикатов, актуализируя заложенную в структурной схеме способность выражать посессивность или атрибутивность. Ср:

Отчего он не кричал? Вероятно забыл, что у него *есть* голос
(Л. Андреев. Рассказы о семи повешенных).

У меня дьявольски *слабый* голос (Л. Андреев, Любовь к ближнему), но нельзя: *есть* слабый голос.

При ассоциативно устоявшихся сочетаниях слов *есть* замещает и сигнализирует имплицитно содержащийся в номинативе, но не названный атрибут:

У него *есть* температура (повышенная), но нельзя: У него *есть* повышенная температура, или у него *есть* нормальная температура.

У него *есть* настроение (хорошее).

У него *есть* голос (хороший).

К безглагольным предложениям с факультативной позицией определения следует, как видно, отнести предложения, допускающие более сложные межклассовые трансформации в двусоставные схемы с глагольным сказуемым, при котором *есть* падежное определение:

У меня дурацкая *память*

(Паустовский, Блестающие облака) → Я плохо запоминаю.

У *Николая* теперь страшные хлопоты.

(Чехов, Письмо Н. А. Лейкину, 8 ноября 1888 г.) → *Николай* страшно хлопочет.

У меня такой образ *мыслей*...

(Чернышевский, Дневник) → Я так *мыслю*.

В двусоставные схемы трансформируются также большая группа безглагольных предложений, в которых характеризуется состояние субъекта; чаще они включают в себя лексику с индивидуальным значением:

Хандра у меня, — сказал Винклер.

(Паустовский, Романтики) → Я *хандрю*

У меня *тоска* → я *тоскую*; у меня *горе* → я *горю*, у меня *грипп* → я *гриппую*, у нее *талант* → она *талантлива*.

Если же при лексеме с общим значением выступает индивидуализирующее его определение, то при трансформации передается только общее значение.

У меня на море *морская* болезнь.

(Паустовский, Романтики) → Я *болею*.

«У вас будет *бледная* немочь»

(там же) → Вам не *может*ся

Вообще, как видно, можно говорить об избирательном отношении рассматриваемой омонимичной схемы к лексическим замещениям: она свободно включает в себя лексемы с индивидуальным значением и почти распадается, теряя информативность, если компонентами ее выступают лексемы с общим значением—отсюда стремление последних к индивидуализации посредством обязательного атрибута: Ср.

У нее зубы⁸.

У мальчика кудри.

Позиция определения в первом предложении необходима, во втором—факультативна. Ср:

1) У нее зубы, как у крокодила (Там же).

2) У мальчика кудри, как солнечные лучи (Л. Андреев, Жизнь человека).

Эта структурная особенность приведенных омонимичных предложений отражается и при их трансформации: первое оказывается способным к двум трансформациям, обнаруживая свойства и глагольного, и безглагольного предложений:

— Мальчик имеет кудри, как солнечные лучи.

— Кудри у мальчика—как солнечные лучи.

Второе трансформируется только в именную двусоставную схему: Зубы у нее—как у крокодила.

Вопрос лексических замещений схемы у + родительный + именительный представляет самостоятельный аспект исследований; формальным способом проверки и здесь, по-видимому, окажется трансформация.

Таким образом, проверка на трансформируемость может служить формальным критерием для различения омонимичных синтаксических схем предложения с тождественной морфологической структурой. В зависимости от структурно-семантических свойств лексем, замещающих ее места, схема эта один раз может интерпретироваться как глагольная с типовым значением посессивности, другой раз—как безглагольная с типовым значением атрибутивности (значение посессивности здесь сохраняется как периферийная и не находит выражения при трансформации).

Очень продуктивная в русском языке, схема эта дуприродна: с одной стороны, она регулярно воспроизводится в речи и, следовательно, не представляет собою закрытой фразеологизированной конструкции, с другой—проявляет большую разборчивость к семантико-морфологическим свойствам заполняющих ее лексем и в зависимости от этого реализует свое типовое значение, заключенное в конструкции в целом, иначе говоря—обнаруживает в некотором отношении признаки синтаксической идиоматичности, своеобразного грамматического русизма⁹. Эти свойства схемы делают ее интересной в теоретическом отношении, с точки зрения типологии и сопоставительного синтаксиса, а также для языковой практики, в частности для теории перевода и методики преподавания русского языка как неродного.

⁸ Неотмеченное предложение (на уровне нормы).

⁹ Ср. А. И. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, Братислава.